

Департамент культуры, туризма и охраны объектов культурного наследия
Вологодской области
БУК ВО «Вологодская областная юношеская библиотека им. В.Ф. Тендрякова»
Читальный зал

**ВЛАДИМИР ТЕНДРЯКОВ:
ВОСПИТАНИЕ ИСТОРИЕЙ**

*(Исторические аспекты прозы писателя
В.Ф. Тендрякова)*

Вологда

2014

ББК 83.3(2=411.2)6-8

X17

Автор: О.А. Халявина, гл. библиотекарь читального зала ВОЮБ

редактор: Л.А. Молчанова, гл. библиограф

ответственный за выпуск: О.Н. Анфимова, директор ВОЮБ

X17

Халявина О.А. Владимир Тендряков: воспитание историей : (исторические аспекты прозы писателя В.Ф. Тендрякова) : методическое пособие / О.А. Халявина; БУК ВО «Вологодская областная юношеская библиотека им. В.Ф. Тендрякова». – Вологда : ВОЮБ, 2015. – 19 с.

В пособии «Владимир Тендряков: воспитание историей» рассматриваются особенности видения исторического прошлого в прозе В.Ф. Тендрякова, отражение истории в его произведениях о трудных 30-годах XX века, о Великой Отечественной войне, а также размышления писателя о преображении человека через осознание им исторического пути своей страны и мира.

©Халявина О.А.
© БУК ВО «Вологодская областная юношеская
библиотека им. В.Ф. Тендрякова»

Введение

Общеизвестно, что история должна давать объективную оценку действительности, а школьные учебники излагают в основном исторические факты для анализа событий и явлений. Непреходящая ценность художественной литературы состоит в том, что она мыслит образами действительности и способна облечь в плоть и кровь сухой скелет исторического знания, помогает не только осмыслить саму действительность, но и сочувствовать, сопереживать, делает знание истории личностным, своим, выстраданным. Большое значение в таком принятии истории, важном для становления нравственно зрелой личности и для ее личностного самоопределения, может стать обращение молодёжи к творческому наследию Владимира Федоровича Тендрякова.

Считается, что писателя больше интересовали события его современности, он, обладавший ярким талантом публициста, стремился успеть за бегущим днем, и даже о войне, участником которой ему довелось стать, писал не так уж много. Однако для него важно было осмыслить события далёкого и не очень далёкого прошлого. Условно исторические события, к которым обращался Владимир Тендряков в своём творчестве, можно разделить на три временных категории:

1. События, относящиеся ко времени, в котором писатель не жил (Древняя Иудея, эпоха Ивана Грозного).

2. События, свидетелем которых он был в детстве, но в силу возраста не подвергал их анализу и в полной мере не осознавал. Это он сделал, будучи взрослым (20 – 30-е годы прошлого века – коллективизация, раскулачивание, голод).

3. События, относящиеся ко времени взросления и творческого становления писателя (40 – 60-е годы XX века – Великая Отечественная война, период борьбы с «безродным космополитизмом», хрущевская оттепель).

Тендрякова-писателя в истории волновали проблемы взаимовлияний власти и человека, личности и общества, а главное – вопросы становления нравственности человека, и не в последнюю очередь, причины человеческой жестокости.

По мнению Н.Г. Асмоловой-Тендряковой «его творчество всё отчётливее обозначалось системой координат «прошлое – настоящее – будущее» и «экономика – социология – нравственность», но, несомненно, в центре находилась личность, поиск более совершенной социальной структуры общества. Поиск этот обязывал подвергать сомнению все, казалось бы, самые устоявшиеся истины» [5; 764]. И именно отношение героев произведений Тендрякова, а вслед за ними и читателей, к тем или иным событиям истории, к историческим личностям и характеризует сущность человека, степень его личностной духовно-нравственной зрелости.

Исследователь творчества писателя В.Г. Шустер считает, что «положив в основание категорию историчности, ту связанность идеалов и ценностей, в которых человек сохраняется (традиция – «основное условие понимания»), – Тендряков делает попытку освоения ее не с точки зрения поступательного механического развития – прогресса, но с позиций нравственного становления и возрождения личности, обозначая таким образом путь между настоящим и должным – «духовный прогресс»» [9; 13]. Наиболее важно, что «историческое сознание личности является важнейшим условием ее нравственного преображения. Доминирующими составляющими исторического сознания человека становятся память, ответственность, преемственность нравственных ценностей» [9; 16].

Не случайно Владимира Тендрякова по силе нравственной проповеди сравнивают со Львом Толстым. Для него интересна не внешняя деятельность человека, а важен, говоря словами апостола Павла, «внутренний» человек, его духовный мир, внутренние мотивы его поступков, стремление «видеть всё при свете совести и только при этом свете».

1. История: воспитание равнодушия ко злу

Во многих произведениях В.Ф. Тендрякова обращение к истории становится важным фактором воспитания и самовоспитания личности. Через переосмысление истории происходит переосмысление человеком своего индивидуального жизненного пути. Для писателя крайне важен человек «внутренний», открытый для нравственного преображения.

В самом светлом тендряковском произведении о подростках **«Весенние перевертыши»** (1973 г.), факультативно изучаемом в 7-х классах современной школы, с обыкновенным двенадцатилетним мальчишкой Дюшкой Тягуновым происходит чудо: он впервые влюбляется в школьницу Римму Братеневу, а она – это ни много ни мало, а... первая красавица Петербурга, жена А.С. Пушкина Наталья Николаевна. Согласно тайной (только по большому секрету он доверяет ее своему другу) восхитительной теории Дюшки: если все состоит из атомов и молекул, то спустя более ста лет атомы и молекулы Натальи Гончаровой «сложились» в Римку. Так неожиданно начинается постижение истории и загадочности женской красоты сквозь призму прошлого. Любовь к девушке заставляет глубже понять чувства и переживания первого русского поэта. Мальчик повторяет стих Пушкина «Моя Мадонна» – «чистейшей прелести чистейший образец», помещает над своей кроватью портрет Натальи Николаевны. Это открытие любви и красоты в истории заставило Дюшку Тягунова бороться с несправедливостью в лице старшеклассника Саньки Ерахи, который подчиняет младших и заставляет их издеваться над лягушками. Последствия открытого столкновения-драки с более сильным противником на школьном дворе показывает не только решимость Дюшки, но и одиночество мальчика, ведь его упорство в отстаивании истины не понимают самые близкие люди – родители – и поздно принимает друг Минька.

Главный персонаж повести **«Шестьдесят свечей»** (1972 г.) – пожилой учитель истории Николай Степанович Ечевин, предавший во имя революции

своего учителя и свою любовь, уже на первых страницах повести вполне равнодушно относится к своему предмету: *«Люблю историю... Когда-то к событиям давно минувших веков я относился с молодой страстностью. Я лютой ненавистью ненавидел Святополка Окаянного и восторженно почитал Святослава Игоревича. Все столетия были переполнены моими личными друзьями и недругами. Детское неравнодушие, им часто болеют даже прославленные историки. Давно уже нет у меня личного отношения к Святополку Окаянному, плох он или хорош, наивный вопрос. Он просто часть того времени, той далёкой жизни, той почвы, из которой выросли мы с вами. Если бы Иван Калита оказался человеком благородным, то вряд ли ему удалось бы под татарским игом сколотить сильное Московское княжество. Беспринципная лесть и неразборчивое ловкачество – оружие Калиты, не будь его, как знать, сколь долго существовала бы ещё татарщина и как бы выглядела теперь наша Россия? Люблю историю такой, какая есть, чтоб ни случилось со мной, со страной, со всем миром, я уже знаю – бывало и не такое, ничему не удивляюсь»* [7; 206]. Но именно способность человека удивляться и рождает философское мышление, способность искать личностные смыслы и открывать новое. Ечевин же подчинился объективным обстоятельствам времени и согласился мыслить, как винтик, жить по формуле «цель оправдывает средства», отказался от личного мнения, духовно умер. Своим мертвенным равнодушием и согласием плыть по течению он напоминает гончаровского Иудушку Головлёва или врача Дмитрия Ионовича Старцева в рассказе А.П. Чехова «Ионыч».

Такое же равнодушие Николай Степанович воспитывает и у учеников, заставляя их воспроизводить факты ради хорошей отметки, они «всегда поражают широтой знаний на экзаменах», но думать над фактами и сопереживать историческим событиям и людям, в них действующим, дети не учатся.

Переломным моментом в осознании своей педагогической несостоятельности послужил разбор сочинений десятиклассников об эпохе Ивана Грозного. Во всех сочинениях красиво рассказывалось о прогрессивной роли грозного царя в становлении могущества Российского государства, и только ученица Зоя Зыбковец, ссылаясь на историка XIX века Н.И. Костомарова, осмелилась утверждать «не в духе времени, не по-нашему», что Иван Грозный *«не мог желать людям лучшего. Если он давил бояр, то просто от злобы. Если и был в его время какой-то прогресс, то это не Ивана заслуга»* [7; 208]. И учитель задумывается, какую же отметку поставить за сочинение, чтобы, как говорится, были «и волки сыты и овцы целы». В классе на уроке он начинает по-иному смотреть на своих учеников только после письменной угрозы убийства. Особенно Николая Степановича начала тревожить и привитая им способность его учеников в угоду школе, обществу, строю, той самой «объективной воле», не раздумывая, оправдать даже убийство во благо государства и общества. Учитель понимает свой грех: он «не воспитал негодования к убийству». Вот Лена Шорохова – «лучшая ученица, чемпион в классе по ответам», звучным убеждённым голосом смело провозглашает, что большие исторические дела царя Ивана важнее убийства «каких-то дьячковых жён», в то время как «в её возрасте мысль об убийстве даже мышонка должна вызывать отвращение». В повести «Шестьдесят свечей» раскрывается сущность учеников-десятиклассников в их бездумном и бесчувственном отношении к личности Ивана Грозного. Ради хорошей отметки они готовы оправдать совершенные царем убийства во имя прогресса. И в этом – сила художественной литературы: она заставляет молодого читателя делать нравственный выбор, задуматься над вопросом: а на чьей стороне был бы я? Стал бы я соратником Грозного и опричников? Или противником как митрополит Филарет?

Учебник же истории лишь констатирует факты жестокости (опричнина, разгром Великого Новгорода) и склонности Ивана IV к садизму: он решил, что «для полного контроля над правящим классом следует

прибегнуть к мечу», хотя мудрые советники, «люди, как правило, религиозные и добродетельные» пытались помешать ему «дать волю своим изменным инстинктам, своей врожденной склонности к жестокости и произволу».

О покушении на жизнь Александра II, которое совершил в феврале 1880 года рабочий-революционер Степан Халтурин, и об его убийстве Игнатием Гриневицким, бросившим смертельную бомбу под ноги императору 1 марта 1881 г., в учебнике сказано очень сухо и мало. Совсем по-другому эти события предстают перед читателем в тендряковской повести **«Расплата»** (1979 г.). О них говорится на фоне страшной трагедии: убийства учеником восьмого класса Колей Корякиным своего родного отца за то, что тот в пьяном виде издевался над Колиной матерью. И хотя ученики оправдывают это убийство – «герой, зверя убил», – мальчик раскаивается и понимает, что вместе с плохим отцом убил и хорошего, что «совсем плохих людей не бывает», но ничего уже нельзя повернуть вспять. В этом контексте события более чем статридцатилетней давности становятся близкими, император Александр и Халтурин с Гриневицким перестают быть абстрактными историческими личностями, вызывают сочувствие и стремление ещё глубже понять историю и разобраться с духовно-нравственными ценностями в дне сегодняшнем.

Также становятся понятнее и зримее такие трагические вехи истории советского периода, как коллективизация, раскулачивание, голод – события конца 20-х – 30-х годов прошлого века. Они описаны Тендряковым по детским воспоминаниям и осознанно восстановлены писателем в зрелом возрасте в рассказах **«Пара гнедых»** (1971 г., о несправедливости раскулачивания трудолюбивых крестьян и передачи их имущества беднякам, готовым это имущество пропить); **«Хлеб для собаки»** (о вывезенных из Украины бесправных раскулаченных «куркулях», ежедневно умирающих от голода в сквере северной железнодорожной станции Вожега); **«Параня»** (1971 г., воссоздана кажущаяся сейчас фантастической ситуация угрозы от

всеми обижаемой местной дурочки Парани пожаловаться самому Сталину и воцарившаяся после этого атмосфера страха и подозрительности среди жителей поселка).

Сильное воспитательное воздействие имеет рассказ **«Хлеб для собаки»** (1970 г.), в котором повествование ведется от лица десятилетнего Володи Тенкова – мальчика из довольно обеспеченной по тем временам семьи. Володя стремится помочь и подкормить раскулаченных «врагов народа». Но, оказавшись не в силах накормить всех «слонов», «шкелетников», отвергнувших кусок хлеба своих одноклассников, выбирает самое, на его взгляд, голодное существо – собаку. Он делится с ней хлебным пайком, считая, будучи уже взрослым, что подкармливал не собаку, а собственную совесть. Через восприятие этого рассказа перед читателем предстает не только фактическая канва событий, он сам начинает сочувствовать жертвам раскулачивания и понимать сложность, но необходимость нравственного выбора в трудных жизненных ситуациях.

2. Военная проза В.Ф. Тендрякова: воспитание ответственности за личностный выбор и неприятия жестокости

В.Ф. Тендряков, побывавший в самых горячих точках фронтов – в Сталинграде и Курской дуге, мало писал о войне. Первые попытки рассказать о ней в романе **«Экзамен на зрелость»** и рассказе **«Дела моего взвода»** (1947 г.), написанные, что называется, по горячим следам недавно отгремевших боёв, были пробой пера и не вошли в поздние собрания сочинений. С темой войны связан в первую очередь роман **«Свидание с Нефертити»** (1964 г.), цикл **«Рассказы радиста»** (1963–1964 гг., 1984 г.), очерк **«Божеское и человеческое Льва Толстого»** (1978 г.), а также опубликованные только в период перестройки в журнале **«Новый мир»** рассказ **«Донна Анна»** (1969–1971 гг.) и повесть **«Люди или нелюди»** (1975–1976 гг.).

Великая Отечественная война в произведениях Владимира Тендрякова, бывшего радиста, – это не постоянный подвиг советского солдата на фронте, как сейчас представляется, а «труд лицом к лицу со смертью», когда под свист пуль и под разрывами снарядов нужно ползти, чтобы соединить разорвавшийся кабель радиостанции и обеспечить связь. И главный нравственный выбор: побороть страх перед смертью, сражаться и погибнуть или жить с нечистой совестью, прятаться от пуль?

В.Тендряков во многих произведениях помещает своих героев в условия жесткого эксперимента, они находятся порой в экстремальных ситуациях, испытывающих на прочность их нравственный потенциал. Война – та предельно «пограничная» между жизнью и смертью ситуация, когда нужно постараться не погибнуть от шальной пули и остаться человеком с чистой совестью; здесь происходит кардинальная внутренняя ломка под воздействием чрезвычайных обстоятельств, внутренняя духовная борьба, приводящая героев Тендрякова к зрелости. Федор Материн, ползущий по степи за водой, переживает эту духовную борьбу: солгать, что нет воды, не нашел и сохранить себе жизнь или ползти и, возможно, погибнуть?

«Нужно ползти? Но почему?»

Ребята хотят пить...

Но его убьют, и он не принесет воды.

Умрут ребята.

Нет воды! Не нашел!

Нет воды и нет смерти. Нет воды – и вернется все: Матера, радуга, города. Нет воды – весь великий мир станет правдой... Ждут люди улыбку Нефертити... Жить! И он покажет им эту улыбку» [4; 40]. Но побеждает чувство долга, совесть, а не страх смерти: «Жить – скрывать, жить – обманывать, жить – и презирать самого себя. Притворяйся, не притворяйся, а трус есть трус, лжец есть лжец, жизнь куплена обманом. Живи и помни – ты хуже других. Хуже других? К черту!» [4; 41] В этом –

победа над смертью. Похоронена и юность Федора. За эти минуты он повзрослел: *«Нефертити умерла где-то перед склоном, ведущим к колодезю. Она умерла, дав возможность стать солдатом и выжить ему. Стать солдатом и выжить, а это значит – презирать смерть, собственную жизнь не считать равной всей вселенной»* [4; 77].

Этот постоянный, мучительный выбор на войне: быть или не быть, жить или погибнуть? отражен и в самом отношении к смерти: *«Мы привыкли к тому, что постоянно кто-то «выбывает», и не безликие адресаты..., а товарищи. При любой возможности мы отворачивались от всего, что напоминало смерть»* [4; 504]. («Письмо, запоздавшее на двадцать лет»). Продолжая гуманистическую традицию Льва Толстого, Владимир Тендряков показывает читателю бесчеловечность, противоестественность войны:

«А в мире есть темная сила, она готова совершить убийство, совершить и не заметить этого. Какое ей дело до маленького человека, одного из бесчисленных миллионов, какое ей дело до того, что он хочет жить. Не укладывается в голове. Страшно. Хочется плакать» [4; 36]. («Свидание с Нефертити»).

«Где-то далеко, на той запредельной стороне враг – невидимка. Он не знает о моем существовании, но ждет меня. Он не может испытывать ко мне злобы. Но собирается убить. И кого убьет. Он никогда не узнает. Все это так странно. Что я никак не могу вообразить его человеком – с лицом, с телом, с руками, держащим винтовку с оптическим прицелом. Он нечто, бесплотный дух смерти. Вот только бы знать, моей или не моей?» [4; 560]. («День, вытеснивший жизнь»).

Казалось бы, война учит ненавидеть врагов, захватчиков, но, несмотря на гибель отца, нет у Федора Материна ненависти к убитому немцу, *«что бодает лбом засохшую грязь, крупные, жирные мухи ползают по сукну мундира...»* [4; 545]. Главный герой рассказа «День, вытеснивший жизнь» испытывает не ненависть: *«Я стоял над врагом и испытывал только*

брезгливость..., но брезгливость не в душе, брезгает мое телесное нутро, а в душу просачивается незваная смущающая жалость. У этого парня было все-таки не бронированное брюхо, коли лежит в лебеде. Так далеко шел, чтоб умереть до тошноты некрасивой смертью» [4; 546].

Война влияет на людей по-разному. Она не только заставляет человека стать самостоятельнее, чище, но и коверкает человеческие жизни, словно лакмусовая бумага, проявляет злые, зверские инстинкты людей. *«Жестокость, может быть, неизбежная на войне, в равной мере опасна и для побежденных и для победителей», – считает писатель – «И только у людей с обостренной совестью и врожденной душевной чуткостью жестокости войны вызывали неистовое – до страдания, до самоотречения – стремление к разумному, доброму, вечному» [4; 623].*

В неопубликованном в советское время рассказе «Донна Анна», действие которого происходит в период отступления советских войск под Сталинградом, описывается три убийства – не противников, своих солдат. Первое – показательный расстрел повозочного из хозтранспортной роты Ивана Кислова, который в наряде по кухне отрубил себе указательный палец на правой руке. Второе – убийство лейтенантом Галчевским командира роты Мохнатова за то, что тот отказался выполнять, грозивший гибелью многих людей, приказ о наступлении на птицеферму. Третье – расстрел самого лейтенанта Галчевского, поднявшего солдат в атаку и тем обречшего их на гибель. Владимир Гендряков, размышляя о причинах жестокости, показывает, что не сама война делает человека убийцей. Смертоносные семена ненависти закладываются в мирное время. Лейтенант Ярик Галчевский, страстный поклонник поэзии А. Блока, особенно любил кино – не комедии, а революционные и военные фильмы. Он бредил сценой расстрела моряков из картины «Мы из Кронштадта»: *«Вот бы так умереть, чтоб в глаза врагу, чтоб смеяться над ним!»*. И Галчевский, впитав в себя романтически идеализированное представление о войне, убивает Мохнатова,

сам бросает солдат в атаку. Когда же понимает, что в результате его действий выжило всего несколько человек из роты, кругом трупы, прозревает в сумасшествии: *«Убейте меня! Убейте его!... Кто ставил «Если завтра война». Убейте его!!»*. Перед расстрелом Галчевский кричит: *«Я не враг! Мне врали. Я верил. Я не враг!»* [6; 91].

Еще более остро проблема жизни и смерти на войне, привычка к смерти отражена в эссе «Люди или нелюди»: *«Я привык к трупам, они давно для меня часть быта, ненужная, как для лесоруба старые пни»*. Жалость к убитым товарищам опасна: *«За жалостью сразу придет мысль: ты сам не сегодня, так завтра. ...Ты заранее почувствуешь себя погибшим. ...Огрубей и очерствей, стань деревом»*. Привычка к смерти спасает тело, но убивает душу: *«Выживете, но как будете жить? Разучились жалеть, страдать, равнодушны до древесности!!»* [6; 182].

Взаимосвязь личностных, нравственных установок и социальных условий всегда волновала писателя. В повести «Люди или нелюди» он мучительно размышляет над проблемой жестокости не одного человека, а народа, автор детально рассматривает причины, побудившие дядю Пашу, Якушкина, еще недавно евшего из одного котелка с молодым немецким пленным, а также других солдат участвовать в жестокой расправе над Вилли, мстя за издевательство фашистов над разведчиками.

А в современных учебниках истории совсем не упоминается о жестокости советских солдат по отношению к своим же однополчанам, как в эссе «Донна Анна», и ничем неоправданной жестокости – мести по отношению к врагам, как в эссе «Люди или нелюди».

Пожалуй, самым спорным моментом на библиотечных мероприятиях, посвященных военному творчеству Владимира Фёдоровича Тендрякова, является эпизод с молодым немецким юношей Вилли из этого эссе, которого приютили советские солдаты у себя в землянке. Школьники и студенты училищ часто считают, что расправа над Вилли после обнаружения

пропавших разведчиков, зверски замученных фашистами, вполне закономерна и правильна, несмотря на то, что сам Вилли никак не причастен к этому. «Ну и что, он же всё равно враг!» – настаивают дети. Такая реакция подростков и юношества вызывает опасения (нельзя же всё списывать на юношеский максимализм!), потому что подобное может повториться и повторяется уже в наше мирное, но агрессивное время, когда даже христианская проповедь, осуждающая мстительность, далеко не всегда находит отклик в душах представителей современного молодого поколения.

3. Осознание истории как преодоление «слишком простого взгляда на жизнь» в романе «Покушение на миражи»

Роман «Покушение на миражи» (1982 г.) стал итоговым произведением В.Ф. Тендрякова, его духовным завещанием, по словам Н.Г. Асмоловой-Тендряковой, «отразившим весь сложный путь нравственных исканий писателя». Роман имел несколько редакций и первоначально назывался «Евангелие от компьютера». Роман строится способом чередования глав, носящих публицистический характер (они так и называются «Главами») и глав, представляющих собой «живые картинки» исторического прошлого (они названы «Сказаниями»). Происходит переплетение и взаимодействие описываемой современности (в которой главный герой физик-теоретик, исследователь Георгий Петрович Гребин, увлёкшийся историей, вместе с командой молодых ученых и программиста Ирины Сушко, решил с помощью электронной машины вычислить вероятность и закономерность появления в истории человечества личности Иисуса Христа и познать таким образом механизм развития общества), а также картин далекого прошлого, где читатель встречается с Иисусом, апостолом Павлом, Диогеном и Аристотелем, с аквилейским рабовладельцем Статилием Аппием и его рабом-вольноотпущенником, проповедником христианства Лукасом; с мужественным философом-утопистом Томмазо

Кампанеллой и его Городом Солнца. В ходе эксперимента, предпринятого под руководством профессора Гребина, неожиданно выяснилось, что появление Христа и проповеди любви к ближнему необходимо человечеству и личность Иисуса (в своеобразной интерпретации Тендрякова) вновь появляется, даже если ее «изъять» из компьютерной программы, настолько необходим человечеству нравственный идеал и вера в справедливость. И в этом стремлении человечество часто склонялось к утопии в создании совершенного общества, основанного на справедливости и счастье. Человеку свойственно опасное качество впадать в «золотой сон»: вопреки реальным обстоятельствам строить абстрактные, несовместимые с жизнью схемы счастливого будущего.

В «Покушении на миражи» Владимир Тендряков показывает, что исторический процесс сложен, противоречив и многомерен и не укладывается ни в какие схемы: *«...Золотой век – ой ли? Счастливейшими в истории считаются четырнадцать лет Перикла в Афинах. Да, но это счастье казначея, прибравшего к рукам общую кассу. Афины возглавляли союз эллинов, бесконтрольно распоряжались стекавшимися со всех городов взносами. А Сократ в это время был приговорен к смерти, а великий Фидий брошен в тюрьму...»* [5; 567]. В 1820 году европейцев интересовала судьба Наполеона на острове Святой Елены, и мало кто обратил внимание на сообщение Эрстеда, что стрелка компаса резко отклонилась к проволоке, через которую пропущен ток. Но именно это незаметное открытие электричества изменило ход истории и самого человека. «Грядущее проступает уже сейчас: в малом – великое», – подчеркивает писатель.

В диалоге Диогена и Аристотеля из «Сказания второго. Откровения возле философской бочки» раскрывается еще одна проблема: излишки продуктов человек (усердный земледелец, усовершенствовавший мотыгу до сохи) склонен обращать не во благо других людей, а для порабощения более слабых: *«Тогда слабого уже можно заставить – ходи за сохой, добывай мне сильному, хлеб, а я стану кормить тебя, как кормлю вола. Кормить и*

погонять, чтоб – больше, больше! Чтоб я смог держать новых волов, новых рабов и ещё больше, больше получать с них. Не насытятся уж никогда! В мире родилась жадность, Аристотель. От жадности – жестокость. От жестокости – ненависть! Мир испортился...»[5; 593] Материальный прогресс привел к духовному оскудению и нравственной деградации. Осознавая природу изменения человека в сторону несправедливости, Диоген предпочел отказаться от привычной жизни, от семьи, детей, «проспать свою жизнь» в примитивном обитании в бочке-кифосе. С этим явно не согласен его собеседник Аристотель, призывающий проникнуть в прошлое разумом, сообразуясь с жизнью.

Под пером Тендрякова утопист Кампанелла попадает в взлеянный его воображением Город Солнца, где его бросают в тюрьму и он встречается со своим героем, бывшим правителем Солом. Оказывается, в Городе Солнца не царит уже справедливость и равенство нарушено, добросовестные работники, видя, что другие бездельничают, а все получают одинаковые блага, сами перестали усердно трудиться. В городе стали господствовать нищета, зависть и доноительство, появилась тирания...

Писатель подвергает жёсткой критике схемы, идеи, теории прошлого и настоящего, направленные на изменение мира к благу человечества: от «догадки» «усердного земледельца» о пользе, которую можно извлечь из выкармливания вола, до христианской проповеди любви к своему врагу как к ближнему, от революционных программ социального переустройства до попыток с помощью вычислительной техники решить «загадку прогресса», с точки зрения их *нравственной состоятельности*.

В своём итоговом романе автор, по мнению Г.Я. Зленко, «решает пересмотреть традиционно почитаемые гуманистические ценности, пересмотреть и определить, нужно ли их хранить? ...Надо ли стремиться к тем идеалам, которые веками не реализуются?» Тендряков покусается на обманчивую сущность и заманчивую видимость несостоятельных проектов переустройства мира – на миражи – для того, чтобы разобраться, на чем они

основываются и к чему ведёт их реализация, ведь «еще более страшны миражи будущего, готовые ввергнуть человечество в тотальную катастрофу» [3; 232].

Заключение

Во многих произведениях В.Ф. Тендрякова события отечественной и мировой истории могут служить отправной точкой для размышления молодого читателя над собственным внутренним миром, над мотивами собственного поведения и поведения других людей, помогают обретению собственных личностных смыслов, способствуют формированию духовно-нравственных ценностей, для воспитания и самовоспитания. Это особенно важно сегодня, в период констатации кризиса исторической науки, уменьшения её воспитательного воздействия в связи с влиянием постмодернизма с его релятивизмом, в том числе и моральным, признанием сосуществования научного и паранаучного знания, стиранием граней между старыми исследованиями и сенсационными «открытиями».

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение	3
1. История: воспитание равнодушия ко злу	5
2. Военная проза В.Ф. Тендрякова: воспитание ответственности за личный выбор и неприятия жестокости	9
3. Осознание истории как преодоление «слишком простого взгляда на жизнь» в романе «Покушение на миражи»	14
Заключение	17
Список использованной литературы	18

Список использованной литературы:

1. Большая Российская энциклопедия: в 30 т. Т.12. Исландия – Канцеляризм / [председатель науч.-ред. совета Ю.С. Осипов, отв. ред. С.П. Кравец]. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. – 767 с.
2. Буганов В.И. История России, конец XVII – XIX век: учеб. для 10 кл. общеобразоват. учреждений / В.И. Буганов, П.Н. Зырянов, А.Н. Сахаров; под ред. А.Н. Сахарова. – 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 2006 – 336 с.
3. Зленько Г.Я. Проблематика и поэтика прозы Владимира Тендрякова : монография / Г.Я. Зленько; Жезказганский ун-т им. О.А. Байконурова, Ин-т филологии и искусств, кафедра русского языка, литературы и журналистики. – Алматы : Жания-Полиграф, 2005. – 287 с.
4. Тендряков В. Ф. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: Свидание с Нефертити : роман, очерки, военные рассказы / В. Ф. Тендряков. – Москва : Художественная литература, 1988. – 624 с.
5. Тендряков В. Ф. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Повести ; Покушение на миражи / В. Ф. Тендряков. – Москва : Художественная литература, 1989. – 782 с.
6. Тендряков В.Ф. Неизданное. Проза, публицистика, драматургия / сост. и подгот. текстов Н. Асмоловой-Тендряковой. – Москва : Художественная литература, 1995. – 638 с.
7. Тендряков В.Ф. Ночь после выпуска: повести / В. Тендряков; [вступ. ст. Е. Сидорова]; худож. Н. Сапунова. – Москва: Детская литература, 2011. – 509 с.
8. Шестаков В.А. История России XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: профил. уровень / В.А. Шестаков, под ред. А.Н. Сахарова; Российская академия наук, Российская академия образования, изд-во «Просвещение». – 2-е изд. – Москва : Просвещение. – 2008. – 339 с.

9. Шустер В.Г. Художественная концепция личности в творчестве В.Ф. Тендрякова 1970–1980-х гг. : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук : специальность 10.01.01 – русская литература / Шустер В.Г. – Армавир, 2008. – 19 с.